

портрет и автопортрет

МОЕ ОТНОШЕНИЕ к Достоевскому — сложно и трудноопределимо. В своих лекциях я обычно рассматриваю художественное творчество с тех позиций, с каких меня вообще интересует литература; то есть как явление мирового искусства и проявление личного таланта. С этой точки зрения Достоевский отнюдь не великий писатель, а довольно посредственный, со вспышками непревзойденного юмора, но, увы, редко встречающегося в длинной веренице литературных банальностей.

«...» я в своем курсе собираюсь подробно разобрать произведения действительно великих писателей — а именно на таком высоком уровне следует критиковать Достоевского. Я слышу, что мало похоже на академического профессора, чтобы преподавать то, что мне не нравится. Не скрою, мне страстно хочется развенчать Достоевского. Но я отдаю себе отчет в том, что средний читатель может быть шокирован приведенными аргументами. «...»

ВЛИЯНИЕ западной литературы (во французских и русских переводах), сентиментальных романов и романов ужасов — Сэмюэля Ричардсона (1689—1761), Анны Радклифф (1764—1823), Диккенса (1812—1870), Руссо (1712—1778), Эжена Сю (1804—1857) — сочетается в произведениях Достоевского с религиозной экзальтацией, переходящей в мелодраматическую сентиментальность.

Между сентиментальностью и способностью тонко чувствовать существует огромная разница. Сентиментальный человек может быть в частной жизни чрезвычайно жестоким. Тонко чувствующий человек никогда не бывает жесток. Сентиментальный Руссо, способный вспыхивать над прогрессивной идеей, рассказав своим многочисленным детям по разным приметам и работным домам и впоследствии никогда не принимал участия в их судьбе. Сентиментальная старая дева может пестовать своего попутя и отравить племяннику. Сентиментальный политик может помнить о Дне матери и безжалостно расправиться со своим соперником. Сталин любил детей. Ленин рыдал в опере, особенно на «Травнате». Целый век писатели воспевали простую жизнь бедняков. Так вот, когда мы говорим о сентименталистах — о Ричардсоне, Руссо, Достоевском, — мы подразумеваем преувеличение самых обычных чувств, достигаемое при помощи вихревых чувств, чтобы расторгать читателя, который несколько будет сострадать героям.

Достоевский так и не смог избавиться от влияния сентиментальных романов и западных детективов. Именно сентиментализм положил начало той самой коллизии, которая столь мила его сердцу: поставить людей в униженнейшее положение и извлечь из этого максимум сострадания. Когда после возвращения из Сибири начали вырывать его основные идеи — спасение через покаяние, этическое превосходство страдания, смирение и непротивление, защита свободной воли не как философская, а как моральная проблема и, наконец, противопоставление эгоистической антихристианской Европы русскому христианскому братству, — когда эти идеи (которые тщательно анализируются в многочисленных учебниках) пропитали его романы, сильное западное влияние все еще оставалось, и есть искушение сказать, что в каком-то смысле Достоевский, так ненавидевший Запад, был самым европейским из всех русских писателей.

Интересно также проследить литературную родословную его героев. Его любимец — герой древнерусского фольклора Иванушка-дурачок, которого братья считают слабоумным и бестолковым, — на самом деле хитер, как последний сукин сын, это совершенно безразличный, непозитивный и малопривлекательный тип, воплощение тайного коварства, торжествующего над силой и могуществом. Иванушка-дурачок — сын своего народа, пережившего столько страданий, что с лихвой хватило бы на десяток других народов, — как это ни странно, прототип князя Мышкина, главного героя романа Достоевского «Идиот», героя абсолютно положительного, чистого, невинного дурачка, представляющего собой верш смирения, самоотречения и духовного покоя. У князя Мышкина в свою очередь есть внук, недавно созданный современным советским писателем Михаилом Зощенко, тип доброго дебила, живущего на заворках полицейского тоталитарного государства, где последним приближенным человека стало слабоумие.

Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с дофрейдовскими комплексами, упоение унижением человеческого достоинства — все это вряд ли может вызвать восторг. Меня не увлекает, как его герои «через грех приходят к Христу». А русский писатель Бунин выразился еще крепче: у Достоевского, мол, Христос в каждой бошке застыл. Так же, как меня оставляет равнодушным музыка, я, к сожалению, равнодушен и к Достоевскому-профу. Мне кажется, что лучшая вещь, которую он написал, — «Двойник». Это история, изложенная очень искусно, со множеством прямо-таки джойсовских подробностей, по мнению критика Мирского, «густо насыщенная фонетической и ритмической выразительностью», — о чиновнике, который сошел с ума, воображая, что его сослуживец присвоил его личность. «...»

В свете исторического развития художественного видения Достоевский — крайне любопытное явление. Если тщательно проанализировать любую его книгу, скажем, «Братья Карамазовы», вы увидите, что естественный фон и все прочее, необходимое для чувственного восприятия вещи, едва ли в ней присутствует. Если в романе и есть описание ландшафта — это ландшафт идей, нравственный ландшафт. В мире Достоевского нет погоды, поэтому, как одеты персонажи не имеет никакого значения. Своих героев Достоевский характеризует через ситуацию, через нравственные конфликты, через психологические реакции и внутренние переживания. Описав наружность героя, он по старинке уже не возвращается к ней. Большой художник так не делает: скажем, Толстой все время видит своих героев и точно знает, какой жест последует в тот или иной момент. Но есть в Достоевском нечто еще более странное. Казалось, самой судьбой ему было уготовано стать величайшим русским драматургом, но он вступил не на свою стезю и стал писать романы. Роман «Братья Карамазовы» всегда

ЛЕКЦИИ ВЛАДИМИРА НАБОВОКА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЧАСТЬ КУРСА, ПРОЧИТАННОГО В АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В 1941—1958 ГОДАХ.

ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ «НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ» ОНИ НЕ ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ К ИЗДАНИЮ И БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ АВТОРА. СУЖДЕНИЯ НАБОВОКА МЕНЬШЕ ВСЕГО ПОХОДЯТ НА СУХИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ШТУДИИ И ХАРАКТЕРИЗУЮТ НЕ ТОЛЬКО ДОСТОЕВСКОГО, НО И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ САМОГО НАБОВОКА, ЕГО СТРАСТИ И ПРИСТРАСТИЯ, ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННУЮ МАНЕРУ, ЕГО СКЛАД УМА. ЧТО КАСАЕТСЯ ДОСТОЕВСКОГО, ТО ОН, КОНЕЧНО ЖЕ, НЕ НУЖДАЕТСЯ В НАШЕЙ ЗАЩИТЕ. ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРОЧНО И НЕЗЫБЛЕМО.

Печатается в сокращении. Перевод сделан по изданию: Vladimir Nabokov, Lectures on Russian Literature, PICADOR, London, 1983.

казался мне невероятно разрозненной пелесой с точно рассчитанным количеством декораций и реквизита, необходимых для каждого актера: круглый стол с круглым влажным следом от стакана, окно, раскрашенное желтой краской, чтобы все выглядело так, словно за ним сияет солнце, или поспешно внесенный и с размаху брошенный рабочий сцены цветочный горшок. «...»

В СУЩНОСТИ, подлинное мерило таланта в том, насколько мир, созданный автором, уникален, неповторим и, что еще важнее, насколько он достоверен. Я бы хотел, чтобы вы взглянули на мир Достоевского с этой точки зрения.

Затем, обращаясь к художественному произведению, нужно всегда иметь в виду, что искусство — божественная игра. Эти два элемента — божественности и игры — равнозначны. Искусство божественно, ибо именно благодаря ему человек максимально приближается к Богу, становится истинным, полноправным творцом. Вместе с тем — это игра, поскольку оно остается искусством лишь до тех пор, пока мы помним, что в конце концов перед нами всего лишь вымысел и что, на сцене, к примеру, умирают не вправду, иными словами, пока ужас или отвращение не заставят нас

усомниться в том, что мы как читатели или слушатели участвуем всего лишь в искусной и захватывающей игре. В тот момент, когда это равновесие нарушается, на сцене начинается разворачиваться нелепая мелодрама, а в книге — леденящее душу убийство, которому место, скорее, в газете. И мы не испытываем больше счастья, удовлетворения и душевного трепета — того сложного ощущения, которое вызывает у нас истинное произведение искусства. Например, нам не внушают отвращения или ужаса кровавые финальные сцены трех величайших на свете пьес — смерть Корделии, убийство Гамлета и самоубийство Отелло, они заставляют нас содрогнуться, но и в содрогании есть известная доля наслаждения. Не потому что нас радует гибель героев, просто это — восхищение всепоглощающим гением Шекспира. Я бы хотел, чтобы вы оценили «Преступление и наказание» и «Записки из подполья» (1864) именно с этой точки зрения: всегда ли перевешивает эстетическое наслаждение, которое вы испытываете, сопровождая Достоевского в путешествиях в глубь больших душ его героев, другие чувства: дрожь отвращения и нездоровый интерес к подробностям преступления? В остальных романах Достоевского равновесие между эстетическими достижениями и элементами детективного репортажа еще меньше.

Владимир НАБОВ

Федор Достоевский

из лекций о русской литературе

И наконец, когда художник начинает исследовать движения человеческой души под гнетом невыносимых испытаний, наш интерес пробуждается значительно быстрее и мы значительно охотнее следуем за художником, ведущим нас по темным закоулкам души, если ее устройство нам более или менее понятно. И не хочу этим сказать, что нас интересует или должна интересовать исключительно духовная жизнь так называемого «среднего» человека. Вовсе нет. Я хочу лишь сказать, что едва ли мы можем считать поведение буйнопомешанного или больного, которого только что выпустили из сумасшедшего дома и вот-вот забурет обратно, нормальным человеческим поведением. Устройство этих заблудших, искалеченных, изуродованных душ уже нельзя считать человеческим в общепринятом значении этого слова или же оно столь причудливо, что задача, которую ставит перед собой художник, остается нерешенной, независимо от того, как он предполагал ее решить, исследуя столь необычные характеры.

Я порывался в медицинских справочниках и составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского:

I. Эпилепсия.

Четыре явных случая: князь Мышкин в «Идиоте», Смердяков — в «Братьях Карамазовых», Кирилл — в «Бесах» и Нелли в «Униженных и оскорбленных». «...»

II. Старческий маразм.

У генерала Иволгина из «Идиота» старческий маразм, усугубленный алкоголизмом... Это жалкое, безответственное существо, вечно клячащее деньги на выпиво: «Я отдам, ей-богу, отдам». Когда его уличают во лжи, он на минуту теется, но тут же снова принимается за старое. Именно эта патологическая склонность к вранью лучше всего характеризует состояние его ума, алкоголизм немалод способствовал распаду личности.

III. Истерия.

1. Лиза Хохлакова в «Братьях Карамазовых», девото 14 лет, частично парализованная, паралич скорее всего, порожден истерией и может быть вылечен разве что чудом... Она не по годам развита, очень впечатлительна, кокетлива, взыбаломна, страдает ночной лихорадкой — все симптомы в точности соответствуют классическому случаю истерии. По ночам ей снятся черты. А днем она мечтает, как будет чинить зло и разрушение. Ее очень занимает недавно случившееся отцеубийство, в котором обвиняют Дмитрия Карамазова. «Все любят, что он убил своего отца», — твердит она.

2. Лиза Тушина в «Бесах» на грани истерии. Она невероятно нервная, беспокойная и надменная, но при этом проявляет чудеса великодушия. Она подвержена странным причудам и принадлежит истерического смеха, завершающимся слезами.

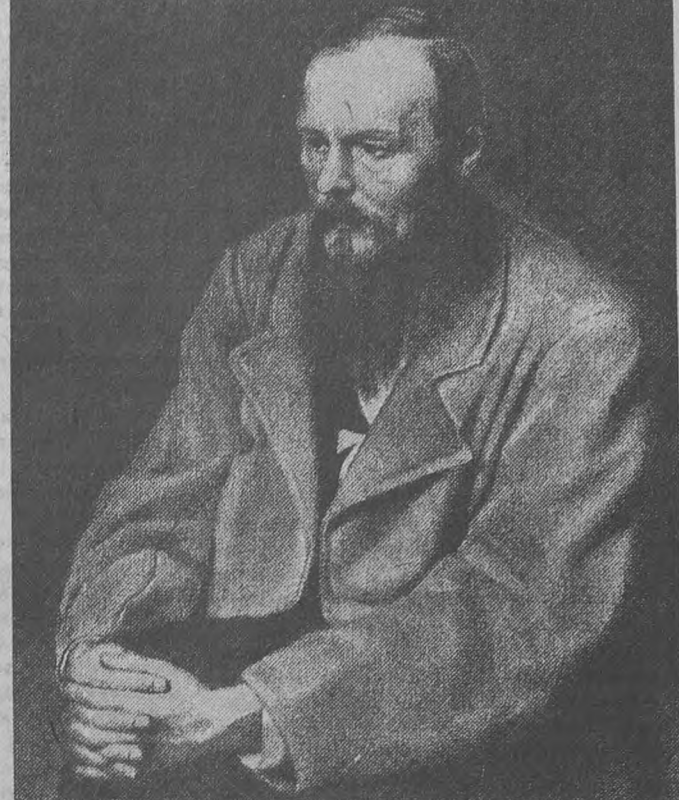
Кроме этих откровенно клинических случаев истерии, у героев Достоевского наблюдаются разнообразные формы истерических наклонностей: Настасья Филипповна в «Идиоте», Катерина Иванова в «Преступлении и наказании», страдающая «нервами», большая часть женских персонажей отмечена склонностью к истерии.

IV. Психопатия.

Психопатов среди главных героев множество: Ставрогин — случай нравственной непол-

ноценности, Рогожин — жертва эротомании. Раскольников — случай временного помутнения рассудка, Иван Карамазов — еще один ненормальный. Все это случаи, свидетельствующие о распаде личности. И есть еще множество других примеров, включая несколько совершенно безумных персонажей. Между прочим, ученые опровергают утверждения некоторых критиков о том, будто бы Достоевский предвосхитил открытия Фрейда и Юнга. Но можно убедительно доказать, что Достоевский многократно использовал сочинение немецкого врача К. Г. Каруса «Psychische...», опубликованное в 1846 году. «...»

Кроме всего прочего, у героев Достоевского есть еще одна любопытная черта: на протяжении всей книги они не развиваются как личности. В самом начале повествования мы встречаемся с совершенно сложившимися характерами, такими они и остаются, без существенных перемен, хотя окружающий их мир может изменяться и с ним могут происходить самые невероят-

ные вещи. В случае с Раскольниковым в «Преступлении и наказании», например, мы видим, как человек приходит к возможности гармонии с внешним миром, но, впрочем, это проявляется только внешне, внутренне же Раскольников существенно не меняется, а остальные герои Достоевского и того меньше. Единственное, что развивается в книге, находится в движении, принимает неожиданные повороты, отклоняется в сторону, захватывая в свой водоворот все новых героев и новые обстоятельства, — это сюжет. Раз и навсегда условимся, что Достоевский — прежде всего автор детективных романов, где каждый персонаж, представший перед нами, остается тем же самым до конца, неизменным в своих привычках и особенностях и что все герои действуют в том или ином романе как опытные шахматисты в сложной шахматной партии. «...»

Преступление и наказание (1866)

«...» Изъян, трещина, из-за которой, по моему, все здание этического и эстетического разваливается на куски, находится в 4-й главе 4-й части. В начале сцены покаяния убийца Раскольников открывает для себя благодаря Соне Новый Завет. Она читает ему о Христе и воскрешении Лазаря. Что ж, пока неплохо. Но затем следует фраза, не имеющая себе равных по глупости во всей мировой литературе: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой ииенской комнате убийцу и блудницу, страшно соединившихся за чтением священной книги». «Убийца и блудница» и «вечная книга» — какой треугольник! Это ключевая фраза романа и типично достоевский риторический выверт. Что же в ней так режет слух? Почему она так груба и антихудожественна?

Я считаю, что ни великий художник, ни великий моралист, ни истинный христианин, ни настоящий философ, ни поэт, ни социолог не были бы воедино, не соединили бы в одном порыве фальшивого красноречия убийцу — с кем же? — с несчастной уличной женщиной, заставив их склонить столь разные головы над этой священной книгой. Христианский бог, как его понимают те, кто верует в христианского бога, простил блудницу девятнадцать столетий назад. Убийцу же следовало бы прежде всего показать врачу. Эти двое никак не сопоставимы. Бесчеловечное убийство Раскольникова и отдаленно не походит на участь девушки, унижающей собственное достоинство, торгующей своим телом. Убийца и блудница за чтением священной писания — что за вальс! Никакой художественной оправданной связи между гнусным убийцей и несчастной девушкой не существует. Есть лишь случайная связь романа ужасов и сентиментального романа. Это низкопробный литературный трюк, а вовсе не шлевер высокой патетики и благочестия. Более того, посмотрите на отсутствие художественной соразмерности. Преступление Раскольникова описано во всех омерзительных подробностях, и автор приводит с десятком различных объяснений этого поступка. Что же касается Соны, мы ни разу не видим, как она занимается своим ремеслом. Перед нами типичный штамп. Мы должны поверить автору на слово.

«...» Почему Раскольников убивает старуху-процентщицу и ее сестру? Очевидно, чтобы спасти свою семью от бедности, освободить сестру, которая, чтобы помочь ему окончить университет, собирается выйти замуж за богатого негодяя.

Но он совершает это убийство еще и потому, что хочет доказать себе, что он не обыкновенный человек, подчиняющийся нравственным законам, созданным другими, но личность, способная создать свой собственный закон, нести огромный моральный груз ответственности, претерпеть муки совести и во имя благородной цели (помощь своей семье, продолжение занятий, которые позволяют ему осчастливить человечество), способная на злодей-

ские средства (убийство) без ущерба для собственного покоя и добродетельной жизни.

Он совершает это убийство еще и потому, что, согласно излюбленной идее Достоевского, распространение материалистических идей нравственно опустошает молодого человека и может сделать убийцей даже чрезвычайно положительного юношу в результате несчастного стечения обстоятельств. Обратите внимание на совершенно фашистские идеи, развитые Раскольниковым в «статье», которую он написал: человечество состоит из двух частей — толпы и сверхчеловека. «...»

Вещные помыслы устремляются к Наполеону, в котором он видит сильную личность, правящую толпой, потому что он дерзнул «захватить» власть, как бы ожидающую того, кто осмелится это сделать. Такого быстрого превращения честолюбивого благодетеля человечества в честолюбивого тирана-властолюбца, Перемана, заслуживающая более тщательного психологического анализа, чем мог предпринять вечно горюпавший Достоевский.

Еще одна излюбленная идея нашего автора заключается в том, что преступление приводит человека, совершившего его, к невыносимым нравственным страданиям. Эти внутренние страдания надоели с собой, однако, не приводят к искуплению. Искупление приходит лишь через страдание публичное, вынесенное на суд общества, через намеренное самоотречение и унижение перед все подобными — только это может привести страдальцу прощение, искупление, новую жизнь и т. д. Таков путь, который должен следовать Раскольников, но не захочет ли он снова убить — неизвестно. Вспомните его идею о свободной воле, о преступлении ради преступления, о праве самому создавать для себя нравственные законы.

Удалось ли Достоевскому убедить нас в своих теориях? Боюсь, что нет.

Прежде всего, Раскольников — неврастеник, а преломление любой философской идеи в сознании неврастеника дискредитирует эту идею. Достоевский достиг бы большего, если бы сделал Раскольникова крепким, уравновешенным, серьезным молодым человеком, сойтись с толку и волею случая приведенным к гибели из-за слишком буквально понятой материалистической идеи. Но Достоевский прекрасно понимал, что это не произведет впечатления, что если бы даже подобный уравновешенный молодой человек проникся теми нелепыми идеями, перед которыми не устояла слабая психика Раскольникова, здоровая человеческая природа удержала бы его от преднамеренного убийства. Ибо вовсе не случайно, что все преступники у Достоевского (Смердяков в «Братьях Карамазовых», Федька в «Бесах», Рогожин в «Идиоте») не вполне нормальны. «...» Кропоткин весьма точно заметил: «За изображением Раскольникова я чувствую самого Достоевского, который пытается разрешить вопрос: мог ли бы он сам или человек вроде него быть доведен до совершения преступления, как Раскольников, и какие сдерживающие мотивы могли бы помешать ему, Достоевскому, стать убийцей. Но дело в том, что такие люди не убивают».

Я всецело согласен также с утверждением Кропоткина, что «...люди, вроде судебного следователя или Свидригайлова принадлежат к области романтического изобретения». Я бы пошел еще дальше и добавил к ним Соно. «...»

Источник страстной приверженности Достоевского идее о том, что физическое страдание и смирение исправляют человеческую природу, лежит в его личной трагедии: должно быть, он чувствовал, как мало осталось от поборника свободы, мятежника, индивидуалиста за время сибирской ссылки, да и непосредственности в нем заметно поубавилось, но он упорно продолжал считать, что вернулся лучшим человеком, чем был.

«...»

Перевела с английского Анна КУРТ